
B. Тендряков

*:

РЫЦАРЬ ТЮТЕЛЬКИ В ТЮТЕЛЬКУ

Шторы забыли задвинуть, и в темных стеклах окон отражаются электрические лампочки. Снаружи сыплет дождь. Погода — дрянь, того и гляди сорвется уборка, комбайны намертво садятся на раскисших проселках — без тягача не дотащишь до поля, — хлеба полегают.

Разъехаться бы всем сейчас по домам, выспаться да завтра с утречка пораньше за работу. А тут заседай, разбирай кляузное дело.

Секретарь парторганизации колхоза «Искра» Петр Сарафанов поднялся с места — большая голова крепко сидит на нешироких плечах, в жестких волосах густая седина. Он медлителен. Не торопясь, растирает в пальцах окурок, некоторое время целился прищуренным глазом куда-то поверх поблескивающего под электрическим светом бритого черепа секретаря райкома и начинает ровно, деловито, с достоинством:

— Не могу понять, товарищи, как это Тихон Викентьевич Татьянников, председатель нашего колхоза, стал таким склонником. Ведь мы оба с ним старые коммунисты. Я его знал еще парнем. С кулаками человек воевал. Помним, Тихон, как тебя Егорка Жилин и свойяк его с кистенями стерегли по ночам. Помним, что колхоз-то ты поднял. Кто ж отрицает заслуги? А теперь с тобой работать нет возможности. Как только ты, Тихон, таким характером обзавелся?.. От зазнайства это, головокружение...

Тихон Татьянников, председатель «Искры», сидел против Сарафанова. Его до белизны выгоревшие волосы были гладко причесаны, лицо узкое, сухощавое, подбородок острый, нос острый, весь он чем-то напоминал хорька. Тихон поводил носом из стороны в сторону, маленькие глаза беспокойно и вызывающе бегали, нет-нет да и задерживались на чьем-нибудь лице

прилипчивым, въедливым взглядом. И тот, на ком останавливался этот взгляд, не выдерживал, отворачивал голову с таким выражением, словно хотел сказать: «Да ну тебя, еще свяжешься...» Тихон ерзal на стуле, ему хотелось возразить, но он сдерживался.

— Я, товарищи, больше всего дорожу честью коммуниста,— тем же ровным голосом продолжал Сарафанов.— Запятнать партбилет выговором — большей беды для меня в жизни быть не может. Меня выбрали секретарем парторганизации, и я стараюсь оправдать доверие. Пусть сам Тихон Викентьевич скажет: жалел ли я сил для партийной работы?..

— Уж лучше бы жалел,— сипловатым, простуженным голосом произнес Тихон и с новой силой принял ерзать на стуле.

— Товарищ Татьянников! — остановил его секретарь райкома.

— А разве можно выполнять партийные поручения, когда ни одного слова... ни единого,— Сарафанов поднял обкуренный палец,— не хочет и слушать товарищ Татьянников! Ему не возразишь. Не-ет! Он, видите ли, председатель колхоза с пятнадцатилетним стажем, депутат областного Совета. Разве можно его гладить против шерсти? Со всей ответственностью заявляю: никакой критики коммунист Татьянников не принимает! Я как-то два дня подряд втолковывал ему решение о клевере. Не послушал. Что ж, думаю, буду действовать за свой страх и риск. Вывел на поле трактор. Прибежал он и давай высмеивать меня, прямо на поле, перед всеми, парней-трактористов не постыдился...

— Стоило,— не выдержал Татьянников и виновато покосился на секретаря райкома.

— Стоило? Ты ж должен дорожить авторитетом секретаря парторганизации. Вы, товарищи, знаете, что на язык он куда как боек, вечно поговорочками сыплет. Ты ему говоришь, ну скажем, из райкома пришло решение о расширении посева зерновых за счет трав, а он что-нибудь такое: слова, мол, твои правильные, хоть министру в уста, только — хорош хвост у лисы, да овце не к месту. Как же после такого не смеяться колхозникам. Уж как я к нему не подходил: и с глазу на глаз пробовал образумить и на собраниях выступал. Не пронимает. Начал членов партии сбивать, решил поставить вопрос ребром. Вот тут-то началось. Куда шуточки и поговорочки делись. Сразу сердито заговорил. Всем встречным и поперечным доказывать стал, что я в колхоз разлад вношу. Это я-то разлад вношу? Ловок Тихон Викентьевич с большой головы на здоровую сваливать. Теперь кто-то на его стороне держится, кто-то на моей, живем в одном колхозе, разные тропки топчем, не можем сговориться. Дошло до того, что в глаза меня стал страшать — выживу-де тебя из колхоза. Решайте, товарищи. Нет больше терпения.

Сарафанов вздохнул, оглядел присутствующих своими серыми, потемневшими от обиды глазами и сел.

Тихон Татьянников выжидательно уставился на секретаря райкома. Тот кивнул головой:

— Можно. Начинай.

Оттолкнув стул, председатель колхоза поднялся, скользнул взглядом по Сарафанову, вытиравшему лоб и шею большим красным платком, сморщил лицо ехидной улыбкой.

— Сарафанов жаловался: к критике его не прислушивалась. Да, не прислушиваюсь! — развел руками Тихон Викентьевич. — Авторитет его подрываю. Да, подрываю! Страшил-де — выживу из колхоза. Не страшил, а объяснил — нам вместе не работать, в одном колхозе не жить. Я же из колхоза не уйду, если только мертвым не вынесут. Опять выходит, близко к правде.

Председатель райисполкома Тютюнов, глубоко утонувший полным телом в мягким кресле, поднял тяжелую, с крупным лбом голову и пробасил в мальчишески упрямый затылок Тихона Викентьевича:

— Татьянников! Здесь бюро райкома, а не ярмарочный балаган. К чему этот издевательский тон?

Татьянников, как на пружинах, упруго повернулся:

— Тон издевательский? Другим тоном об этом человеке говорить нельзя!

Заведующий отделом пропаганды Сергеев, высокий, подслеповато щурившийся из-под очков, бывший учитель, мягко возразил:

— Крутым у тебя характер. Вам помириться надо да работать спокойно. Твоя непримиримость сейчас губит колхоз, подрывает общее дело.

— Ой нет! Ежели и погубит колхоз, то не иначе как мое примиренчество. Петр Сарафанов часто повторял: давай, мол, договоримся — ты не упрямься и я уступать буду, худой мир лучше доброй ссоры. Эта поговорочка, товарищи, трусом выдумана, трусом по белу свету пущена, трусами подхвачена. Ленин с меньшевиками не шел на примирение!

Сарафанов до испарины багрово покраснел:

— Прислушайтесь, старого коммуниста с меньшевиками сравнивает!

Председатель райисполкома Тютюнов прокрипел пружинами кресла, с досадой крякнул.

Татьянников перегнулся через стол, вытянул шею, уставился своим въедливым взглядом в лицо Сарафанову:

— Скажи, критиковал ты меня года три назад за то, что я не придерживаюсь в системе Вильямса точной схемы? А? Критиковал?..

— Это моя святая обязанность, — проворчал Сарафанов.

— Обязанность! Слышите? Критиковал по обязанности, а

не по необходимости! Зато складно. Сядет, бывало, напротив и как песню поет: поля в севооборотах неровные, чередование неправильное, культуры с поля на поле, как козлы, прыгают (твое выражение, вспомни-ко), не по схеме, не «тютелька в ту-тельку». Что было бы, если б я, скажем, поля циркулем на квадраты разбил? Пестренькие они получились бы. И чернозем, и песок, и подзол — все на одном поле. Попробуй тут его освоить. Ты к земле с душой подойди, а критиковать по обязанности... — Татьянников разогнулся, строго повел острым носом, — уж извините меня за резкое слово, значит спекулировать критикой!

Тютюнов из-под тяжелого лба недоверчиво разглядывал Татьянникова; казалось, вот-вот скажет: «Ну-ну, посмотрим, что дальше выкинешь?» Секретарь райкома сидел спокойный, на его чисто выбритом лице было лишь одно выражение — серьезного внимания. Как и против кого оно обернется — еще неизвестно.

Сарафанов, прицелившись прищуренным глазом в угол, успел бросить:

— Трехгодичная давность. Не о том говоришь, Тихон. Мы в ту пору еще дружно с тобой жили.

— Уж потерпи. Обо всем скажу, не утаю, — успокоил Татьянников. — Раз как-то прибегает Сарафанов с газетой и сразу ее мне под нос: «Ты, говорит, за систему держишься. Клевера выращиваешь, а вот товарищ Хрущев сказал...» Забыл он в ту минуту, как меня упрекал: «Точной системы нет, схемы не придерживаешься». Я тут ему напомнил и от себя добавил: «Словаде товарища Хрущева бьют по макушке в первую очередь таких, как ты». Думаете, он смущился? Нет, разве можно. «Признаюсь, отвечает, и расписываюсь в своих ошибках, потому что имею политическое чутье. Долой систему! Запахивай клевера! Засевай все поля подчистую хлебом!

— Вранье! Так не говорил. Подтасовка, товарищи!

Сарафанов поднялся, но секретарь райкома остановил его:

— Порядок забываешь. Сядь и успокойся.

— Не так? Может, и иначе выразился. Я протокола тогда невел, процитировать буковку в буковку не могу, разреши уж пересказать в общих словах. Ведь сам недавно признавался, что решил тайком от меня клевера распахивать. А наши клевера вы все знаете. Не грешно ими похвастаться. Удивляются: и скот у нас гладкий и на масло пять трехтонок купили. А отчего? Да оттого, что не соломкой кормим. Я этот клевер десять лет выращивал, на всякие хитрости пускался, чтоб семена получить. Пчелу приучил в клеверном цвету копаться! Клевер — победа моя, клевер — богатство наше! — Татьянников посерезнел, тыльной стороной ладони вытер лоб и сказал хрипло: — Не дал я Сарафанову распахивать клевера. Не дал! И начались тогда жалобы да попреки — к голосу не прислушиваюсь. Петр

Сарафанов, видите ли, так понимает: раз он секретарь парт-организации — значит, и голос его считай голосом партии. А уж слова «критики не принимаю» он намертво к моей фамилии пришил. Петр Петрович, дорогой товарищ Сарафанов, слышишь, еще раз при всех повторяю: любую критику приму, но такой, как твоя, не принимал и принимать не буду! И пусть бы он попрекал, пусть бы жаловался. Мешает, но терпеть можно.

— Терпеть? Смиренником прикидываешься! — снова не выдержал Сарафанов.

— ...Но вот Сарафанов начал обрабатывать членов партии. А вы представьте себе, например, Мирона Ермакова. Образование — и четырех классов нет. На фронте, перед тем как Днепр форсировать, в партию вступил. Заявление писал: «Умру, считайте коммунистом». Для него партия — святыня. Партибилет себе кровью заработал. И на такого Мирона начинает наседать Сарафанов: Тихон Татьянников к голосу партии не прислушивается, критики не принимает, отступник перед партией. Ты, мол, как сознательный коммунист, должен поддержать, помочь и прочее. Стал я замечать, что Мирон Ермаков, Игнат Стешин, Семен Смирнов — лучшие люди в колхозе, опора моя — при встречах глаза отводят в сторону, каждое мое слово без веры слушают... Да и как верить такому, когда партийный секретарь его отступником партии величает! — Татьянников вскинул голову, его беспокойные глаза забегали по собравшимся с вызовом. — Тогда я, товарищи, решил бить Сарафанова в открытую. Так, чтоб все видели! Чтоб каждому было понятно, что этому человеку важен не хороший урожай, а выполнение инструкций, не хлеб, а цифра в сводке. «Тютелька в тютельку» для него — баг! В открытую бил его, подрывал авторитет, доказывал — не я, а он вредит партии! Может, не так бы вредил, если бы был секретарем парторганизации. Заявляю здесь всем: буду стараться, чтоб на отчетно-перевыборном собрании провалить твою кандидатуру, товарищ Сарафанов!

Взглядом, полным красноречивого возмущения, Сарафанов обвел присутствующих: «Видите, до чего договорился!» Но на этот взгляд никто не ответил. Председатель райисполкома Тютюнов сидел в своем кресле, опустив голову. Заведующий отделом пропаганды Сергеев смущенно протирал очки...

* * *

Расходились за полночь. Громко двигали стульями, натягивали непросохшие брезентовые плащи, торопливо прощались.

Татьянников уже забыл о Сарафанове. Зажав в угол председателя райисполкома, он, откручивая у него на животе пуговицу, напористо допрашивал:

— Доколь комбайнеры мучаться будут? Перед самой МТС — омут грязи, хоть на плечах переноси комбайны. Догадались бы директора подстегнуть, если ваш доротдел в коленках slab.

Грузный Тютюнов прятал глаза от въедливого взгляда Татьянникова и обещал все наладить:

— Сам поинтересуюсь, сам.

Сарафанов же сидел в углу и терпеливо ждал, когда все выйдут и можно будет перехватить секретаря райкома, поговорить с ним с глазу на глаз. Он во всем признался, во всем покаялся — раз секретарь райкома, раз члены бюро говорили, что он неправ, значит нужно верить. Но все-таки поговорить бы, выяснить. Недоразумение какое-то, Тихон Татьянников вышел чистеньkim, а он, Петр Сарафанов, все выполнял, как положено, старался и... виноват. Недоразумение...